

Московская духовная академия: образование богословское и духовное

*Доклад в МПДА на конференции, посвящённой 200-летию (1814-2014)
её пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре*

Сегодня, когда отмечается 200-летие пребывания академии «у Троицы», – события, значительного не только в истории Русской Православной Церкви, но и в истории культуры нашего народа, важно еще раз оглянуться и посмотреть на прошлое. Ибо, не оценив правильно прошлого, невозможно верно ориентировать и наше настоящее в будущее.

Поэтому как знак Промысла Божия, вновь обращенный к нам, можно рассматривать возможность отмечать и очередной юбилей академии. Такие события помогают вспоминать и переосмысливать многие вопросы жизни школы, её успехи и недостатки, ее назначение и место в Церкви. В наше скудное духом и растерявшееся в мировоззренческих сомнениях время это особенно важно.

И может быть, одним из таких серьезных вопросов является тот факт, что академия, благополучно просуществовав с 1814 года целое столетие в этих стенах, вдруг оказалась закрытой на четверть века, потеряв замечательные в научном отношении профессорско-преподавательские кадры, утратив свою былую мощь и многие традиции своей жизни?

Христианская вера, безусловно, отвергает так называемые случайности, как и любые попытки объяснять происходящее только какими-либо чисто внешними причинами. Закрытие академии произошло, конечно же, не в силу известных политических событий и не просто по злой воле определенных темных сил – они были лишь орудиями, исполняющими свои страсти и непонимающими, что делают только то, что им позволено Богом.

Есть духовный закон, данный Богом человеку не внешне, юридически, но вложенный в саму его природу, по которому всё происходящее с ним является следствием исполнения или нарушения этого закона. Это – фундаментальный закон, на котором покоится вся человеческая жизнь. И поэтому, когда начинается, по пророку Иезекиилю, господство зверей полевых и хищных птиц (Иез. 39,4), когда устанавливается мерзость запустения, стоящую на святом месте (Мф. 24,15), то ясно, что в обществе произошло духовное падение.

Звери и птицы бывают разного порядка: где тирания и рабство, где плутократия и свобода всем страстям и мерзостям человеческим – а по страстям соответственно и хищники, которые непобедимы до тех пор, пока покаянием, как в Ниневии, не будут исцелены. Ибо скорбями и болезнями не Бог карает, как пишет апостол Иаков: В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью (Иак.1. 13,14), но по закону духовному сами страсти и грехи наказывают человека за его беззакония: "где будет труп, там соберутся орлы" (Мф.24,28). Бог же есть Врач, а не палач.

Для поверхностного взгляда духовное образование в Московской духовной академии (и не только в ней) в предреволюционную эпоху явилось едва ли не высочайшим взлетом в истории, эпохой "*русского религиозного возрождения*"¹. Однако этот духовный закон говорит обратное, и только им можно по-существу объяснить то бедствие, которое постигло наше духовное образование и нашу академию в лютое революционное время. Так утверждают многие русские святые и подвижники XIX-XX веков.

XIX-й век явился естественным продолжением и развитием тех новых идей, которые ворвались в Россию через прорубленное Петром I окно в Европу. На Русь хлынули не только новинки техники и науки, но и необычайный по мощности и разрушительной силе поток идей и традиций западной жизни, совершенно чуждых вере и всей национальной культуре нашего народа. Православие, все самобытное, народное, органически порожденное русским духом подвергается высокомерному презрению, поруганию и не редко уничтожению. Это, по-существу, продолжается и в XIX веке. Прот. Георгий Флоровский приводит слова митрополита Киевского Арсения: *«Мы живем в век жестокого гонения на веру и Церковь подвидом коварного о них попечения»*, и продолжает: *«так писал митр. Арсений еще в 1862 году. Этот резкий отзыв был бы еще уместнее несколькими годами позже»*².

Даже такой западник, как Герцен в некрологе Константину Аксакову (+1860) писал о том времени: *“Киреевские, Хомяков, Аксаков сделали свое дело... и если они и не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ящичка, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, – то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей”*³.

Эта новая атмосфера государственной и общественной жизни в полной мере отражалась на всем строе жизни Академии. За лаконичным указом *“завесть учения латинские”* стоял фактически приказ, в каком направлении должно идти академическое образование. Оно и проводилось под сильным западным католическо-протестантским влиянием. Синодальный период нанес тяжелый удар по духовной и богословской жизни школы. Но были мужественные люди, которые понимали, что это направление погубит православие в России, и всеми силами противостояли ему.

Так в проекте Устава духовных академий 1814 года находим следующие слова: *«Добрая метода учения состоит в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках; а посему пространные изъяснения, где профессеры тцатся более показывать свой ум, нежели возбуждать ум слушателей, доброй методе противны»*⁴.

При выработке устава 1814 г. архимандрит Филарет (Дроздов), будущий митрополит Московский, а тогда еще ректор Петербургской Академии,

¹ Н. Зернов. Русское религиозное возрождение XX века. Париж. 1974.

² Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж. 1981. С. 344.

³ А.И. Герцен. Собрание сочинений. Т. 15. М., 1958. с. 9.

⁴ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 187-188

прилагает все усилия к тому, чтобы новая постановка учебного дела помогла *“уберечь молодежь от возможного совсем уже нецерковного влияния”* *“натуралистов, подвижников вольтеровской философии”*⁵.

Оснований для такого обращения внимания было более, чем достаточно. Он, инспектируя в 1815-18 гг. школы Московского округа и в первую очередь МДА, писал о выпускниках-священниках, что они *“довольно знали латинских языческих писателей, но мало знали писателей священных и церковных; лучше могли говорить и писать на латинском языке, нежели на русском; имели память, обремененную множеством слов, но ум не оплодотворенный живым познанием истины”*⁶.

Очень показательным является распоряжение Комиссии духовных училищ от 1825-го года: *“Чтобы никто собственных уроков не преподавал... чтобы богословия преподаваема была исключительно на латинском языке, чтобы классическою книгою была богословия Феофилакта [Лопатинского], выписанная из лютеранской богословии Буддея”*⁷.

В середине XIX-го века святитель Игнатий (Брянчанинов) восклицал с горечью: *“Сбывается слово Христово: в последние дни обратит ли Сын Божий веру на земле! Науки есть, академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия... Случись с этим богословом какая напасть и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не бль ли, подобно мифологической. Какого света ожидать от этой тьмы!”*⁸

А во время своей встречи с известным англиканским церковным деятелем Пальмером Игнатий, тогда архимандрит Сергиевской пустыни близ Петербурга, откровенно говорил: *“Наше духовенство чрезвычайно легко поддается новым и странным мнениям, читает книги неправославных и даже неверующих сочинителей, лютеран и других. Духовная академия [С.-Петербургской] заражена вещественными [=мирскими, светскими] началами и даже “Христианское Чтение” заражено ими, хотя в нем и печатаются многие переводы из древних отцов. Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и символ первобытной Церкви; но все это мертвое тело, в нем мало жизни”*⁹. Состояние Санкт-Петербургской академии в данном случае упоминается не как исключение среди духовных школ того времени, но лишь в качестве наиболее знакомой архим. Игнатию иллюстрации общей образовательной системы Русской Церкви.

Несколько ранее подобное же говорил, по свидетельству Н.А. Мотовилова, и преподобный Серафим Саровский: *“Мы в настоящее*

⁵ М. Богословский. Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской Духовной Академии. //“Богословский вестник”, 1917, октябрь-декабрь, с. 376, 377.

⁶ Митр. Филарет. Собрание мнений и отзывов. СПб.1885. Т.2. С.158.

⁷ Там же. С.160. См. Архим. Феофилакт (Горский). Догматы христианския православныя веры... М.1773. (Латин. и русск. тексты).

⁸ Еп. Игнатий Брянчанинов. Письма к разным лицам. Выпуск II. Сергиев Посад. 1917. С.78-79.

⁹ Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж.1981. С. 394.

время, по нашей почти всеобщей холодности к вере святой в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас промысла до того дошли, что почти не понимаем слов Священного Писания. Некоторые говорят: это место непонятно, потому (что) неужели апостолы так очевидно при себе Духа святого чувствовать могли? Тут нет ли где ошибки?... Не было и нет никакой... Это все произошло от того, что мало-помалу удаляясь от простоты христианского ведения, мы под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам то кажется неудобопонятным, о чем древнейшие христиане до того ясно разумели, что в самых обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми никому из собеседующих не казалось странным”¹⁰.

Святитель Филарет (Дроздов), оценивая состояние нашей Церкви, писал: *"Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления"*¹¹.

*«Как время наше походит на последнее! – пишет он своему викарию. – Соль обуявает. Камни святилища падают в грязь на улицу (Плач. 4, 1). С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих лишения сана»*¹². В другом месте свт. Филарет усиливает свою мысль: *«Видно, грехи наши велицы пред Богом. Не от дома ли Божия начинается суд? (1 Пет. 4, 17). Не пора ли от служащих в доме сем начаться покаянию?»*¹³.

Святитель Феофан Вышенский то жалуется: *"Руководителя подходящего трудно найти"*¹⁴, – то негодует: *"Попы всюду спят", "через поколение, много через два иссякнет наше православие"*¹⁵.

Приводя эти высказывания святителя Феофана, прот. Георгий Флоровский пишет: *"Его очень смущало молчание и какое-то бездействие духовных властей... И он недоумевал, почему другие не тревожатся и не смущаются вместе с ним". "Следовало бы, - цитирует он далее святителя Феофана, - завести целое общество апологетов, - и писать, и писать"*¹⁶.

Приведенные высказывания красноречиво говорят о духовном образовании в то время.

Какие факторы обуславливали такое его состояние?

Укажем хотя бы на два из них.

Первое – увлечение Западом, прежде всего, высшего сословия. Достаточно вспомнить горькую иронию Фонвизина в “Бригадире”, где его герой Иванушка патетически восклицает: *хотя “тело мое родилось в России, но душа принадлежит французской короне”*. То же самое происходило и в области религиозной. Вольтер, которого сама Екатерина II называла “мой

¹⁰ Беседа преп. Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым “О цели христианской жизни”. Сергиев Посад. 1914. С.33.

¹¹ Цит. по: прот. Г.Флоровский. Пути ... Там же. С.334.

¹² Письма митрополита Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 55, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. Ч. 24. М., 1871. С. 483.

¹³ Письма митрополита Филарета. Письмо 137, 13 марта 1829 // Прибавления ... Ч. 25. М., 1872. С. 210.

¹⁴ Еп. Феофан (Говоров). Собрание писем. Выпуск пятый. М.1899. С.90.

¹⁵ Цит. по: прот. Г.Флоровский. Пути ... Там же. С.397.

¹⁶ Там же. С.397-398.

учитель”, завоевал умы и сердца многих великосветских “иванушек”, главные занятия которых в “избранных” философских кружках заключались, по свидетельству того же Фонвизина, в “богохульстве и кощунстве”¹⁷.

Другой разрушительной силой явились в XVIII-XIX вв. разного рода мистические движения, солидарные между собой в одном пункте – борьбе с Церковью – Православной, конечно. Выступая против атеизма и призывая человека к познанию так называемого “эзотерического” христианства, мистицизм XVIII-XIX вв. в лице таких деятелей масонства, как И.В. Лопухин, Шварц, граф Сен Мартен, Н.И. Новиков, А.Ф. Лабзин, в конечном счете, врагом № 1 имел “внешнюю Церковь”, т.е. Русскую Православную Церковь.

В Александровскую эпоху этот мистицизм вместе с крайним скептицизмом продолжали победное шествие по культурной элите русского общества. В России возникает отделение Британского Библейского общества, деятельность которого далеко не всегда отвечала заявленным им целям. Сверху насаждается идея так называемого “универсального христианства”, стоящего выше всех конфессиональных границ. В результате явилось официальное запрещение критики западных исповеданий¹⁸. Как пишет один из историков русской философии протоиерей Василий Зеньковский, “во всей духовной атмосфере этого времени чувствовалось торжество “безцерковного христианства”¹⁹.

XIX-й век оказывается веком напряженной “борьбы за богословие”²⁰, идущей в одном русле с общей великой борьбой в России за сохранение самобытности и всех ценностей уникальной русской национальной культуры, борьбы против “гнета рассудочных систем европейского любомудрия”²¹. В этой борьбе, естественно, оказалась и Академия. Но после 130-летнего своего существования (1685-1814) у нее, фактически, не было ни своей богословской системы, ни исходящих из святоотеческих творений православных учебников, а в основном пользовались лишь переработками протестантских и католических пособий.

Новый период в жизни Академии связан с именем выдающегося иерарха XVIII столетия - митрополита Московского Платона (Левшина, 1775-1812). Его кончина в 1812 году совпала с внешним разрушением школы. Во время французского нашествия Заиконоспасский монастырь был разграблен и разорен в Москве первым. Поэтому было осуществлено ранее планируемое решение о переводе Академии в Троице-Сергиеву Лавру, “в здание, чертогами именуемое”. Переход этот удачно совпал по времени с проводимой в России реформой всего образования.

И эти два события существенно обусловили реорганизацию Академии.

1 октября 1814 г., в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы в торжественной обстановке начался учебный год новой школы, которая отныне стала именоваться Московской Духовной Академией.

¹⁷ Прот. В. Зеньковский. История русской философии. Т. 1. Париж, с. 86.

¹⁸ Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1981. с. 134.

¹⁹ Прот. В. Зеньковский. Цит. соч. с. 120

²⁰ Прот. Г. Флоровский. Цит. соч. с. 128.

²¹ И.В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979. с. 292.

Сравнительно недолго пробыл на Московской кафедре преемник митрополита Платона - архиепископ Августин. С 1821 г. архипастырем Московским и *“вторым Платоном”* для Академии становится святитель Филарет (Дроздов), тогда еще архиепископ, но вскоре митрополит, один из самых выдающихся людей своего времени.

Человек высокой духовной жизни и редкого ума, энциклопедически образованный и разносторонне талантливый, он с большой христианской ревностью и одновременно мудростью осуществлял высшее попечение о вверенной ему Академии *“у Троицы”*. 46 лет пробыл митрополит Филарет на Московской кафедре. Для Академии это составило целую и самую плодотворную эпоху в ее истории. В этот период, несмотря на большие трудности и препятствия, возникающие в ее жизни как со стороны внутрицерковной, так и государственно-политической, Академия достигла впечатляющих успехов, в значительной степени обусловивших ее высокий авторитет во всю последующую историю.

В это время в школе нашло осуществление и завершение многое, начатое митрополитом Платоном. В Академии становится устойчивой традицией замещение административных постов, начиная с ректора, и профессорских кадров собственными выпускниками. Происходит все большее осознание необходимости освобождения богословских наук от мертвящих уз схоластики. Вновь и вновь обращается внимание на духовное воспитание учащихся.

Но только с середины XIX-го столетия, можно сказать, начинается становление собственно русского православного богословия, намечилось православное понимание цели духовного образования. И в этом непреходящее значение имела личность святителя Московского Филарета (Дроздова). Он предпринимает решительные шаги для *“образования внутреннего человека”*, преподавания *“сердечного богословия”*, прежде всего, в Московской духовной академии. Прот. Георгий Флоровский называет МДА при митрополите Филарете *“полу-киновией”*, своеобразным *“сердечно-ученым монастырем”*. Заговорили о забытом пути опытного богопознания, о духовности, о святых наставниках и монастырях, о святоотеческих творениях как источниках истинного богословия, о русской иконе. Эпоха митрополита Филарета явилась периодом духовного подъема школ, находящихся в его ведении.

Начинается исключительно важная работа над переводами творений святых отцов на русский язык, инициатором которой явился один из выдающихся ректоров Академии – архимандрит Филарет (Гумилевский). О значении их для отечественного богословия составитель проекта их издания архимандрит Никодим (Казанцев) писал тогда: *“Только после того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий”*²².

²² И.С. Листовский. Филарет, архиеп. Черниговский. М.1887. С. 23.

В связи с переводческой деятельностью большое внимание уделяется языкам Библии и святых отцов – прежде всего, греческому, а также еврейскому и латинскому. Создается (1843 г.) печатный орган Академии “Прибавления к творениям святых отцов” – название, прямо говорящее: все, что создается профессорами богословия, является лишь *прибавлением*, основанным на святоотеческом опыте и умозрении, а не самотворчеством, оторванным от корней Церкви. Большое развитие и огромный успех приобретает историческая школа, что связано в первую очередь с именем ее основателя протоиерея А.В. Горского.

Живой интерес к святоотеческому наследию обусловил в этот период и появление самостоятельной русской философской мысли, по самой сути своей отличной от западных школ. Своеобразие ее наиболее отчетливо выразили старшие славянофилы. Но, как замечает Э. Радлов в своем “Очерке истории русской философии”, *“нельзя не отметить внутреннего родства между славянофильством и тем философским направлением, которое культивировалось в духовных академиях. Андреев в статье “Московская Духовная Академия и славянофилы” (“Богословский Вестник”, октябрь-декабрь, 1915г.) указал на близость И. Киреевского, Аксаковых и Самарина к проф. Голубинскому, отчасти к Казанскому и Горскому”*²³.

В XIX в. происходит, наконец, существенное изменение в методологии изучения богословских наук, начинается историко-критическая разработка источников, возникает строго научная текстология и герменевтика. Возрастает в то же время количество дисциплин и кафедр, введенных заново или получивших самостоятельность. Таковыми явились: Священное Писание Нового и Ветхого Заветов, догматическое богословие, Библейская история, каноническое право, церковная археология, патрология, основное, нравственное, пастырское, сравнительное и обличительное богословие, история философии, психология, естественнонаучная апологетика, история древней, а затем и Восточной (Византийской) Церквей, новая гражданская история, история Русской Церкви, история русской и история иностранной литературы и некоторые другие. Эти кафедры были введены в разные годы, многие - уже в 1870 г.

Все эти изменения явились ярким показателем того, какое развитие получает богословская наука, когда освобождается, как писал И.В. Киреевский, *“от искажающих влияний постороннего просвещения”*²⁴. Духовные школы в этот период продолжают еще питать светскую науку. Как писал протоиерей Георгий Флоровский, *“именно “семинарист” в течение десятилетий оставался строителем русского просвещения в самых разных областях. История русской науки и учености вообще самым кровным образом связана и с духовной школой, и с духовным сословием”*²⁵.

С 1892 г. в Академии на смену журнала “Прибавления к творениям святых отцов” начал выходить “Богословский вестник”, в качестве приложения к которому решено было продолжать издавать святоотеческие творения. Журнал скоро приобрел значительный авторитет и популярность.

²³ Э. Радлов. Очерк истории русской философии. Изд. “Наука и школа”, 1921. с. 30.

²⁴ И.В. Киреевский. Сочинения. Т. 1. М., 1911. с. 352.

²⁵ Прот. Г. Флоровский. Цит. соч.. с. 231.

Но всё эти положительные моменты, происходящие в МДА не смогли остановить в ней тех негативных идей и настроений, которые бурлили в нашем т.н. просвещенном обществе, во всем окружающем мире.

Об этом говорят многочисленные факты.

О настроении в семинариях и академиях в конце XIX – начале XX века митрополит (Федченков), выпускник Московской академии, свидетельствовал: *"У нас, семинаристов, укоренилось убеждение, что если кто умный, тот неверующий". "В сущности, мы были больше католическими семинаристами, фомистами (от Фомы Аквинский - А.О.), чем православными..."*²⁶. Рассказывая о своем назначении инспектором в Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1911 г., он приводит следующие подробности: *«Я же, по вступлении в должность, захотел вывести два обычая: чтобы не курили в спальнях и не требовали справок от инспектора, – какие кому баллы поставлены в этот день спрошенным... Казалось бы, будто я не плохо желал учащимся: от табака к утру воздух был отвратительный, и, конечно, нездоровый; а баллы в пятницу, все равно, выставлялись им в особых книжечках <...> Семинаристы, помня строгого отца Корнилия [прежнего инспектора семинарии], посчитали: мол, тот наказывал нас бичами; а этот – хочет, ничего не видя, наказывать нас скорпионами (3 Цар. 12, 11). И устроили бунт. Утром я обходил спальни и увидел следы его: ручки из дверей были вывернуты; лампы разбиты; все прокурено <...> На обеде семинаристы устроили мне демонстрацию: кричали, свистели, мычали, бляли. Остановить их я не мог...»*²⁷.

В своей книге "О вере, неверии и сомнении" он рисует яркие иллюстрации того оскудения духа в церковной среде, которое проявило себя в разных формах к началу XX века, и высказывается даже таким образом: *"Церковь - высшие интеллигентные слои ее - не жили жизнью духа, а умствовали"*²⁸.

Епископ Феодор (Поздеевский), ректор МДА с 1909 по 1917 годы, оценивая появление серии книг религиозно-философской библиотеки, издававшейся М.А. Новоселовым, писал: *"Впечатление получается у прочитавшего все эти выпуски, особенно если он знаком с духом и направлением нашей современной, так называемой ученой богословско-философской мысли, такое, как будто в мутную воду вдруг пущена струя чистой ключевой воды или в душную атмосферу - струя светлого, чистого воздуха... Несомненно, благодаря тому, что нами забыты сокровища богословствования святых отцов, и замечается теперь такой упадок продуктивности богословской мысли. Куда пойдет по этой дороге богословская мысль - угадать не трудно. Когда утерян критерий истины и нет уже руководства святоотеческого, блуждание возможно и широкое, и свободное"*²⁹.

Преподобный Варсонофий Оптинский (1845-1913) говорил: *"Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка без чувства и смысла. Революция в*

²⁶ Митр. Вениамин Федченков. О вере неверии и сомнении. СПб. 1992. С. 30,35.

²⁷ Митрополит Вениамин (Федченков). Письма о монашестве. М., 2003. С. 68-69.

²⁸ Митр. Вениамин Федченков. О вере неверии и сомнении. СПб. 1992. С.36.

²⁹ Богословские труды. Сб. №28.М.1987.С.309-310, прим. 8.

*России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, встать в сторонке, поплакать, умилиться, ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает*³⁰.

Отец Павел Флоренский, редактор "Богословского вестника" (1912-1917), вспоминал в 20-е годы о богословских журналах: *"О русском Православии писали мало... В журналах писалось небрежно и иногда невесть что"*. В "Богословском вестнике" он и сам, по его словам, вынужден был нередко помещать то, что было чуждо Православию и не соответствовало его убеждениям.

Последний же редактор "Вестника" профессор М.М. Тареев уже не только порывает со святоотеческим наследием в богословии, но и прямо обвиняет отцов в *"сплошном гностицизме"* и их резко отрицательном влиянии на богословие и жизнь Церкви.

Прот. Сергей Булгаков вспоминал, что у них в семинарии уроки Катехизиса превращались в уроки кощунств и острот. Сам он ушел из нее, окончательно разубедившись в вере³¹.

Еще более тяжелой была обстановка на таких уроках в небогословских школах. Игумен Никон (Воробьев, 1894-1963)³², например, говорил, что он потерял веру в Бога в реальном училище, где священник-преподаватель мертво "читал" им заученные уроки, никогда не отвечая на вопросы.

Потому Н. Бердяев был в чем-то прав, когда писал: *"Русское школьное богословие, схоластическое по духу, в сущности не было... православным, не выражало религиозного опыта православного Востока"*³³.

На уроках "закона Божия" иногда так образовывали молодежь, что выходили законченные безбожники. В революционные дни 1905-го и 17-го годов нередко можно было видеть семинаристов в первых рядах ослепленных борцов-фанатиков за "свободу, равенство, братство". И Сталин был совсем не исключением.

Совершенно очевидно, что такое умонастроение школ, конечно, отражало духовное состояние значительной части нашего народа. Об этом страдали, плакали и писали многие святые и лучшие люди земли Русской.

Например, праведный Иоанн Кронштадтский резко осудил дарованные царем свободы, и прямо предупреждал об их горьких последствиях: *«Свобода печати всякой сделала то, что Священное Писание, книги богослужебные и святоотеческие писания пренебрегаются, а читаются почти только светские книжонки и газеты. Вследствие этого вера и благочестие падают, Правительство либеральничающее выучилось у Льва Толстого всякому неверию и богохульствует в печати, смердящей всякой гадостью страстей. Все дадут ответ Богу за потворы»*³⁴. *"Всякое царство, разделившееся в себе, опустеет, - говорит Господь, - и всякий город или дом не устоит»* (Мф.12;25). *Если в России так пойдут дела, и безбожники-анархисты не будут подвержены каре закона, и если Россия не очистится*

³⁰ Дневник иером. Никона Беляева. 22-го января 1908г.

³¹ С.Н.Булгаков. См. его Автобиографические заметки.

³² Иг. Никон (Воробьев). "Нам оставлено покаяние". М. 1997.

³³ Н.Бердяев. А.С.Хомяков. М.1912.С.81.

³⁴ ЦГА. СПб. Ф.2219. Оп.1. Д.71. 26 сентября. Лист 26.

от множества плевел, то она опустеет ... за свое безбожие и за свои беззакония»³⁵. В своем Дневнике в записи от 3 октября 1908 года он указывает на причину происходящих разрушительных процессов в стране: *"Земное Отечество страдает за грехи Царя и народа, за маловерие и недалёковидность Царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офицеров, учащегося юношества. Молись Богу кровавыми слезами о общем безверии и развращении России"*³⁶. 10 октября, праведный Иоанн молитвенно записывает: *"Господи, да воспрянет спящий Царь, переставший действовать властью своею"*³⁷.

Подобного рода высказывания не врагов Церкви, а ее святых и верных членов, говорят о многом.

Действительно, начало XX в., особенно после указов Николая II о свободе в России печати и всех религиозных исповеданий (кроме Русской Православной Церкви), оказалось временем великого смешения ценностей, вырождения, прежде всего, в интеллигентской среде православной религиозности и подмены ее разного рода мистицизмом, т.н. общерелигиозным сознанием, религиозно-философскими спекуляциями. Естественно, МДА в полной мере ощущает на себе удары этой темной волны. Не могли противостоять ей даже строго православные и талантливые педагоги, как епископ Феодор (Поздеевский), занявший пост ректора Академии в 1909 г., и архимандрит Илларион (Троицкий), инспектор Академии, такие незаурядные профессора, как М.Д. Муретов, А.И. Введенский, И.В. Попов и др.

В 1919 г. Академия была закрыта.

Протоиерей Георгий Флоровский в предисловии к своей книге "Пути русского богословия" рассуждает об истоках ошибок в русском богословии: *"Умственный отрыв от патристики и византинизма был, я уверен, главной причиной всех перебоев и духовных неудач в русском развитии"*³⁸. Иначе можно было бы сказать: *отрыв от святоотеческих основ жизни Древней Церкви явился главной причиной всех нестроений в истории русского православия и русского народа.*

Только через четверть века, в 1944 г., МДА возродилась, вначале в Москве, в бывшем Новодевичьем монастыре, как Православный Богословский институт, но уже в 1948 г. – с прежним названием и по-прежнему "у Троицы", под сенью молитвенного предстательства преподобного аввы Сергия.

Конечно, открытая через четверть века после полного своего разгрома МДА не могла не стать на тот же путь, на котором были школы предреволюционные, поскольку никаких других принципов организации духовного образования не знали. И не только не знали, но и не верили, что

³⁵ Столп Православной Церкви. Птр.1915. С.402.

³⁶ Предсмертный дневник. М. 2003. С.68.

³⁷ Там же. С. 72. См. также: С.Л. Фирсов. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб. 1996.

³⁸ Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж.1981. С. XV.

трагический конец прежних духовных школ, как и монастырей, храмов и всей, будем говорить, церковной жизни и культуры произошел не по внешним причинам, не по злобе врагов Церкви (они были лишь слепыми в своей ненависти орудиями премудрого и всеблагого промысла Божия), а по причине негативных процессов, происходивших в среде самой церкви, по причине небрежения в духовных школах о своей главной задаче - воспитании Христианина. И действительно, очень трудно отнести к себе слова: "Если... не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя" (Откр.3:3).

Основная проблема современных духовных школ - острый недостаток духовных руководителей. В настоящий момент разработана новая концепция духовного образования, предполагающая в первую очередь решить проблему богословского образования. В ней очевидный акцент сделан на научную подготовку преподавательских и богословских кадров. Вопрос же вопросов - духовное воспитание будущих пастырей и педагогов - остается, как и прежде, открытым. Главная причина этого - *"оскуде преподобный"*. Но понятно, что школа, питающаяся лишь «умовым», по выражению свт. Феофана (Говорова), богословием и не воспитывающая своих питомцев на началах святоотеческого опыта духовной жизни, не может принести иных плодов, кроме тех, которые были.

В настоящий момент, когда происходит, по-видимому, последняя битва за спасение России от окончательного лжедуховного иноземного ее порабощения, от духовных школ и в первую очередь от Московской духовной академии зависит очень многое. Это прямо следует из того, что духовное состояние нашего общества сейчас находится на грани шаткого баланса между Православием и каким угодно инаковерием.

История Московской Духовной Академии за последний 200-летний период ее бытия в стенах Свято-Троицкой обители являет поучительную картину и духовной борьбы, и самоуспокоенности, научного подвига и мертвой схоластики, взлетов и падений, горячей творящей веры и губительной теплохладности.

Пусть же еще одно воспоминание ее истории послужит уроком для поколений настоящего и грядущих в научении их живой вере святых отцов, как единственно надежного и чистого источника получения и богословского, и духовного образования.